

Ника Батхен

Вероника Батхен. Родилась в Ленинграде, живет в Москве. Поэт, прозаик, журналист. Не окончила Литинститут. Выпустила пять книг стихов и пять прозы. Публиковалась в «Дружбе Народов», «Авроре», «Дарьяле» и других изданиях. Член Союза литераторов России, ЮРСР и ИСП. Гран-при «Боспорских Агон», «Арт-Бухты» и фестиваля «Золотое перо Москвы», 2 место в номинации «Поэт года» от РСП, лауреат фестиваля «Покровский собор», дипломант премии имени Дельвига, лауреат Волошинского конкурса, лауреат поэтического конкурса им. Н. С. «Заблудившийся Трамвай» и т. д.

Самое светлое — дым

*(рецензия на книгу стихов Максима Замшева
«Хотел быть свободным»)*

Поэзия бывает разной — монументальной и невесомой, акварельной и черно-белой, хрупкой и нерушимой. Листая страницы книг, читатель путешествует по закоулкам души, неведомым человеческим странам... Попадая в сборник Максима Замшева — сходишь на перрон дальней станции. С пожилыми березами, тянущими к небу ладони, с торговками семечками и продавцами китайской дряни, с утомленными дачниками, сытыми голубями, неизбежным репьястым ничейным псом... Пролетает «Сапсан», унося к лучшей жизни хозяев мира, пробирается сонный поезд из Лабитнанги, тяжело переваливаются грузовые вагоны — из Петербурга в Москву и назад, по несомкнутому кольцу столиц. А безвестная станция остается на своем вневременном месте, возглашая нерушимость неразменного бытия.

Жизнь от поезда отстала,
Не проститься с ней.
От вокзала до вокзала —
Череда огней.

Лирический герой стихов Замшева — своеобразный современный Онегин. Бонвиван, которого хотят стриптизерки, пессимист, не знаю-

щий, как выбраться из переплета, печальный интеллигент-созерцатель. Он делит себя между Питером и Москвой, не выбирая ни одного из городов, но равно присутствуя в обоих: от Замоскворечья до «Крестов» тянется извилистая дорожка рифмованных следов воображения. Кто бы спорил, существуют и Псков, и Рязань, и медленная провинция, но ось поэтического высказывания выстроена однозначно.

Там, где Разъезжая улица
Мир превращает в углы,
Чтобы стоять в них и жмуриться
Во избежание мглы.

Основное впечатление от поэзии Максима Адольфовича — классицизм. Традиционный строй текста, ровные рифмы, ровные четкие строки, звучащие без единого сбоя. Безупречно простая форма, наилучшим образом выражает наполненность, зрелость смыслов. Поэту не нужны словесные кружева, позолота и финтифлюшки, чтобы подчеркнуть мудрость весомых строк, насыщенность сильных образов — как хорошему актеру нет нужды кричать, чтобы его услышали. Хочется вчитываться, вникать, осознать, как за обманчивой легкостью прячется глубокое понимание жизни.

Здесь стыдно заниматься ерундой,
Когда один во все мишени метишь,
Здесь до любви так близко, что с водой
Ее сглотнешь и даже не заметишь.

Можно долго рассуждать о мастерстве и филигранной технике, но самое сильное в поэзии Замшева отнюдь не это. Он актуален, дышит одним воздухом с читателем и говорит его языком. Он держит руку на пульсе столицы и смотрит в глаза полузабытым полустанкам, помнит, что на свете есть река Днепр и город Киев, по Голгофе, словно институтки по Тверской, гуляют ангелы, народ с Отчизной выжили на беду — чтобы справиться с этой бедой. Легкая ирония, печальная доброта, капли любви, сожаление об утраченном... И надежда — что-то закончится, что-то начнется. «...Свобода нас встретит радостно у входа...» — и это свобода стихотворительного высказывания, которое переживет свое время, останется дагерротипом смутных и непростых лет. Поэт продолжает движение, выстраивая мосты между прошлым и будущим чеканной медью правильных слов.

Я иду по Фонтанке, а рядом идут декабристы,
Чтобы сесть в туристический катер и выйти в Неву.